

ЕЛЕНА ЯЗЕВА

ЗАВТРА

БУДЕТ ЗАВТРА

ПОВЕСТЬ

Елена Язева

Завтра будет завтра

<https://litres.ru/74380219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это повесть о наших современниках, о поисках решения экзистенциальных вопросов человеческой души. Внешние события здесь явно уступают по значимости внутренним. Автор не упрощает сложности реальности, обращает внимание на парадоксы бытийности, избегая стереотипов и клише, осторожно прикасается к мистической глубине жизни.

И, конечно, эта повесть - о любви.

Точки духовного роста, как правило, связаны с поиском, ожиданием, реализацией любви в разных возрастах, социальных ролях, личностных устремлениях.

Книга написана классическим литературным языком, ярко и образно.

Содержание

1. На растяжке	4
2. Странная старуха	10
3. Своя музыка	18
4. Любил или убил	22
5. За гранью слов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Завтра будет завтра

1. На растяжке

Иван вошёл в конференц-зал, заранее приготовив улыбку. Надо было излучать уверенность и полное благополучие, и это у него почти всегда получалось. Костюм от «Армани» сидел отлично, немного жал в плечах, зато линия силуэта была безупречна. Критерий успеха безошибочен: взгляды, которые бросают женщины, особенно когда не прямо, а исподтишка, словно невзначай. Но эти взгляды — немые признания. Самые говорящие и безотказные. И сегодня — ок — всё в порядке. Катрин сидела слева в первом ряду и от удовольствия даже улыбалась, глядя на его пружинящую походку, пока он шёл к столу президиума. Щедро включив обаяние, Иван двигался расслабленной, свободной походкой, так покоряющей женщин: в этой плавности они угадывали хищную грацию тигра, готовящегося к прыжку, и уже предвкушали безумную схватку, где поражение так сладко, а победа хищника так предсказуема.

Шоу под названием «презентация нового проекта» началось. Иван сел и приготовился слушать. Его выступление было запланировано третьим. Но тут он практически выключился из реальности. «Что это лезет в голову? Откуда эти перепутанные провода и подкатывающая к горлу тоска? Тоска,

которая заполняет всего, подступает к горлу и разрывает изнутри, мешает дышать, застревает в каких-то тёмных уголках. Хочешь от неё избавиться, выплюнуть — и не можешь». Он не знал, почему накатывает такое состояние, и не помнил, когда всё началось. Но помнил один неприятный эпизод, на него очень повлиявший. Будучи студентом МГУ, он жил в Одинцово, каждое утро ездил на электричке и, конечно, экономил на проезде. Как-то подошёл контролёр и попросил билет. Ваня начал нести обычную в таких случаях чушь: мол, не успел купить. И вдруг его словно кто-то дёрнул: «Да и вообще, я один, что ли, так еду? Вон там сидит тоже без билета», — и он махнул в сторону малознакомого парня, про которого точно знал, что билетом тот не запасся. Парня, конечно, тоже штрафнули, но именно тогда Иван впервые поймал себя на этом гадком чувстве. Да и зачем он тогда на него показал, объяснить не мог. Какое-то безотчётное движение. И если бы ему тогда сказали, что это подлость, мелкая, жалкая, он бы не согласился. Иван был о себе другого мнения. Когда электричка подошла к Москве и все высыпали на перрон, тот парень подошёл к нему сзади и спокойно произнёс: «Ну ты и мудака. Буду знать».

Иван даже не смог ему ответить. Тот парень смешался с толпой. Но какая-то досада на себя осталась. Тогда он назвал это просто глупостью. Однако всегда чувствовал: есть в нём какая-то червоточина.

Он ничего не слышал вокруг, просто провалился, ушёл в

себя. Где? Когда он утратил что-то очень важное, а может, и не имел вовсе? Потеря любви к Катрин, к работе, ко всему миру — и к самому себе. Отношения с Катрин становились всё непонятнее и явно заходили в тупик. Надо было что-то решать. В какой-то момент их трёхлетнего бурного романа Иван понял, что всегда хотел того, чего хотела она, и ни разу не задался вопросом: а чего же хочет лично он? Так накрыло его с головой это цунами любви, так поразила его эта девушка своей открытостью и силой своей натуры, что выразилось в том числе и в силе охватившей их страсти. Они не могли насытиться друг другом, и у него были минуты, когда он не мог без боли смотреть на неё, на любое её движение. Самый простой жест рукой, движение бёдер вызывали в нём вновь и вновь непреодолимое желание близости.

Она чувствовала его зависимость и умело ею пользовалась, постепенно захватывая всё более обширное пространство его жизни. Он стал есть то, что любит она. Ему и в голову не могло прийти, что он будет пожирать всех этих морских гадов — кальмаров, мидий, осьминогов, — которых Катрин так любила во всех видах. Он и не заметил, как его гардероб, вплоть до цвета носков и рисунка на галстуке, оказался подобран ею. Иван всегда считал, что это хорошо и правильно. Хотя на самом деле ненавидел галстуки и надевал их только ради неё. Постепенно и круг их знакомых сформировался преимущественно по её вкусу; у него осталась лишь пара старых друзей, совершенно ею не принятых. Она хоте-

ла, чтобы он был всегда эффектен, уверен в себе, неприступен для других женщин, сделал блестящую карьеру. Но всё это хотела она. А что же хотел он?

Когда сегодня она в очередной раз провожала его длинным томным взглядом, любуясь созданным ею образом, его посетила неприятная мысль: может, он просто Кен, красивая игрушка в её руках? Так же смотрят на него её подруги. «Какой классный! Просто красавчик!» — так и читается в их плотоядных взглядах. Но ведь ему это так нравилось. Он не замечал, что стал использовать затёртые слова и выражения. Ему стало важно не выбиваться из общей повестки своего круга успешных бизнесменов, важно быть понятным и правильным в глазах большинства. И больше всего он боялся оказаться изгоем там, куда он с таким трудом попал. И незаметно для самого себя потерял свою, так часто перед всеми декларируемую любовь к свободе. «Да ты прочно пристёгнут к женской юбке, — накручивал он себя. — И тебе каждый раз всем своим видом говорят: „Сиди и не рыпайся! Это я тебя сделала“».

То, что вчера было таким притягательным, желанным, стало безразличным. Как он в детстве любил манго! А теперь равнодушен. Как стремился к общению с талантливыми людьми, а теперь они ему стали совсем не интересны. Как была желанна и мила ему эта девушка модельной внешности, его возбуждал резкий запах её пота, у него щекотало в носу, и он прятал лицо в ложбинке между грудей. А она, хохоча,

оттаскивала его за уши, и опять начиналась бесконечная любовная игра, заканчивающаяся далеко за полночь.

А теперь он смотрел на неё равнодушно и даже безразлично: у неё небритые подмышки, и его перекашивает от её тупого взгляда в никуда. Она смотрит, не видя.

Презентацию он провёл профессионально, но был более резок и категоричен, чем обычно. Он принял решение, сформулированное жёстко и бесповоротно: «Всё! Пора кончать эту байдю».

Дома, после позднего ужина, он резко встал и подошёл к девушке. Она сменила позу и села на диване, поджав ноги к подбородку и обхватив их руками. Иван уже ничего не мог сделать с соблазном правоты, которая вдруг куда-то исчезла, когда он увидел ее поджавшей коленки к подбородку. Это была поза защиты, осознанная или нет, но Иван прочитал ее именно так и не смог выговорить ни слова.

Он посмотрел на её голые коленки, и, шутливо бодаясь головой, разъединил их, опрокинул её на спину, и дальше уже дело техники, всё пошло по накатанному шаблонному сценарию. В тот момент, когда он шептал сотни раз говоренные горячие слова, подловил себя на гаденьком чувстве, сознавая, что совершает низость, обманывая и себя, и её.

Утром Иван, пряча глаза, заявил:

— Ты знаешь, у меня бабуля загремела в больничку. Надо к ней сходить вечером после работы. Она у нас немного с приветом. А дядя, как всегда, пьёт. — И ещё выдавил: — Не

скучай...

Он больше не мог называть её Катрин, а Катей не поворачивался язык.

— Да, хорошо... — она равнодушно выслушала Ивана и тут же стала планировать на вечер визит к массажистке.

2. Странная старуха

Конец марта 2014 года. В областную клиническую больницу города в неврологическое отделение поступила странная старуха 88 лет. Когда она, шаркая дряхлыми ногами, медленно вошла в палату на шесть коек в сопровождении молодого стройного мужчины, по палате пронесся вполне слышимый вздох. «Только древней старухи нам не хватало! Теперь еще и с ней мучиться — то писать, то какать, то капризы пополам с руганью выслушивать». Так или приблизительно так думали лежащие каждая со своей болячкой женщины.

Старуха села на свою кровать у самого выхода из палаты, молодой мужчина, судя по их прощанию — внук, торопливо вышел из палаты, а через пять минут она повалилась на спину и захрапела. Женщины смотрели на нее с брезгливостью, перемешанной с жалостью. Старуха была высокого роста, жилистая и худая. Она была одета во фланелевый халат с синими цветами, новый, но тридцатилетней давности, на два размера больше, чем надо, лежавший, видимо, до поры до времени в дальнем углу шкафа и вытащенный по случаю временного переезда в больницу. На ногах — изношенное черное трико, шерстяные носки, а вокруг шеи обмотан какой-то истертый и свалявшийся мохеровый шарфик уже непонятно какого цвета.

Лицо в ореоле седых волос спокойно, можно с трудом, но все же определить, что были когда-то у нее правильные черты лица. Его портила разросшаяся и ставшая похожей на бородавку родинка на подбородке и торчавшие из нее в разные стороны грубые белые волосы. Одиночные волосы то там, то сям виднелись и на подбородке, и особенно густо под носом.

Ольга Ивановна Красноцветова, так звали старуху, лежала и собиралась с силами, чтобы встать, поправить съехавший с больничной койки матрац и дойти до туалета. Позывы были такими частыми, что вызывали ее раздражение и даже гнев.

Каждое утро она просыпалась рано и осматривала свои тощие руки и ноги, глядела на себя с непонятным чувством недовольства, долго мяла, растирала сначала длинные руки с отвисшей сухой и дряблой кожей. Затем высоко задирала то одну ногу, то другую. Медсестра, увидев эти упражнения, то ли одобряя, то ли иронизируя, заметила:

— Ну прямо балет какой-то.

— А ты, Анечка, не смейся, — отвечала та беззлобно и с достоинством. — Лучше помоги старухе. Дай мне вон со стола яблочко.

И затем аккуратно ножичком срезала кожуру, резала на тонкие дольки и одну за другой отправляла в беззубый рот и разминала их голыми розовыми деснами.

В палате ее невзлюбили. Мало того, что она разговаривала резким гортанным голосом. Она еще и привезла с собой кучу барахла, всяких странных вещей, издававших какой-то

неприятный затхлый дух, да и сама старуха невозможно пахла старостью. На предложение все собрать и сложить в пакеты она отреагировала резко и грубо: «Не ваше дело. Ничего не смейте трогать!» И хранила все свое добро под подушкой и частично в прикроватной тумбочке — зимний тулупчик то ли для кота, то ли для маленькой собачки, наушники устаревшей модели с плеером, замызганную книгу со стершимся названием, ручку и блокнот, песочные часы, клубок из перепутанных ниток, веревочек, ленточек разного цвета и еще что-то, что разглядеть толком она не давала, да это было и не интересно.

На следующее после вселения утро проходящей мимо нее женщине, лежащей на кровати у окна, выписывающейся сегодня, старуха вдруг строго и резко ввернула:

— Береги ребеночка!

Та опешила и зарделась:

— Откуда вы знаете?

Старуха молчала. И также молча ушла в процедурный кабинет.

Пока старуха ходила на уколы, женщины в палате вытрясли Наталье душу: «Это что такое? Что она тебе сказала?»

— У меня беременность девять недель. Вот откуда она узнала? Я даже вам не говорила. Думала, выйду из больницы, сделаю аборт. Я ведь здесь столько всяких лекарств принимала.

И разревелась.

— Не реви!

Старуха вернулась и, стоя в дверном проеме, добавила:

— У тебя родится сынок. Не переживай — здоровый.

Женщины замолчали. Никто даже никакой реплики не отпустил в адрес старухи. Такая сила убежденности была в ее словах.

— А что? И рожу! — Наталья вдруг повеселела, слезы высохли. — Да и муж давно мечтает о сыне.

— На вот, возьми, — старуха вытянула голубую ленточку из своего клубка и протянула Наталье. — Привяжешь к кровати...

Та быстро собрала все вещи. Пришла медсестра, принесла выписку.

— Все! Прощайте!

Наталья вручила свои сумки и пакеты вошедшему мужу и, уже свободная от статуса больной, забывая больничную тоскливую реальность, смело шагала навстречу своему засиявшему новыми красками и ставшему таким светлым будущему.

После этого случая женщины перестали обсуждать и осуждать старуху. Они стали внимательно к ней приглядываться. Каждый вечер она надевала на себя наушники, ставила на тумбочку песочные часы и что-то слушала минут двадцать. Слушала всегда только тогда, когда уже выключали свет.

Старуха могла днем неожиданно откинуться на подушку

и захрапеть. Пока она спала, товарки по палате могли спокойно обсудить и ее, и свои интимные дела.

— А че мы ее — старуха да старуха, — заговорила Лариса, чья койка располагалась ближе всех к странной пациентке. — Как хоть ее зовут?

— Кажется, Ольга Ивановна, — включилась в разговор еще одна. — Вчера сестра выкрикивала на уколы.

— А может, она ведьма? — Лариса не унималась. — Вот откуда она узнала про Наталью?

— А ты спроси! — подначивала ее другая соседка.

— И спрошу.

Вечером после обхода Лариса подсела к старухе и так вкрадчиво к ней подъехала:

— Ольга Ивановна! А вот интересно, как вы узнали, что Наталья беременна? Мы тут все ни о чем не подозревали. Она даже нам ничего не сказала.

Старуха откашлялась и проскрипела:

— Поживете с мое, не то узнаете. Да не бойсь. Я не ведьма, — она даже изобразила на лице что-то похожее на улыбку. — У нее глаза беременные. Да и ходят беременные особо, остороженько так. Как будто себя несут и еще кого-то.

И она засмеялась, что было больше похоже на кашель.

Женщины еще что-то хотели расспросить, но старуха завалилась в кровать и отвернулась от всех. Так отбодалась от лишних расспросов и уснула.

Во сне она постанывала и разговаривала. На третий день

медсестра доложила дежурному врачу, что старуха в седьмой палате что-то выкрикивает ночью и людям спать мешает. «Может, ей на ночь снотворное вкалывать?» — предложила медсестра. Дежурный врач, Дим Димыч, как его здесь все звали, невысокого роста, плотный, склонный к полноте, очень серьезный мужчина тридцати пяти лет, был всегда спокоен и сдержан. В общении с подчиненными ему несколько мешала замкнутость, слишком большая дистанция, которую он держал с людьми, часто принимаемая ими за высокомерие. Он уже считался весьма авторитетным перспективным специалистом.

Дим Димыч зашел ночью в палату, услышал бормотанье и был несколько обескуражен. Старуха с закрытыми глазами издавала разные неприятные звуки и среди непонятных странных возгласов и слов вдруг отчетливо услышал:

— Три часа, три часа... Лист бумаги... Не бойся... Не беги... Успеешь...

Врач с некоторым ужасом заметил, что в это время как-то странно задребезжала чайная ложечка в фарфоровой чашке у старухи на тумбочке.

Накануне он записался к главврачу на прием на три часа дня. Давно думал об увольнении, чтобы закончить докторскую. Слова старухи, несмотря на их бессвязность, чем-то его задели и что-то повернули в его возбужденном сознании.

На следующий день, после приема у главного, он пригласил ее в свой кабинет.

— Ольга Ивановна, как вам у нас? — начал он издалека.
— Как отношение персонала? Нет ли замечаний, претензий?
Я вам дополнительно витамины назначил.

Дим Димыч смотрел на старуху с интересом и немного с опаской. И наблюдал.

— Ты, мил человек, зубы-то мне не заговаривай! Что начальник твой сказал?

— Обещал творческий отпуск дать для завершения диссертации, — на автомате, как есть, улыбаясь, ответил врач.
— Только вы-то откуда про мои проблемы узнали? Я тут особо никому не распространяюсь про себя и ход вещей...

Дим Димыч из-за недостатка опыта в общении иногда выражался несколько высокопарно.

— Ход вшей? — Старуха смотрела на него в упор и как будто над ним издевалась.

Дим Димыч не ожидал такой тональности разговора и не знал, как реагировать. А старуха спокойно, глядя ему в лицо, вывалила:

— Митя, сынок, послушай меня внимательно. Тебе кое-что очень мешает. Ты вот до сих пор ненавидишь своего отца, бросившего твою мать, когда тебе едва восемь годков исполнилось. И носишь эту тяжесть на своем сердце столько лет. Ведь и науку свою ты двигаешь, чтоб ему что-то доказать. Прости его лучше! Прости отца... Он же всю жизнь промучился. И жизнь, и ход вещей у тебя пойдет по-другому. Жену найдешь хорошую. Отпустит тебя... Радость узна-

ешь... И доктором наук будешь...

Дмитрий растерянно слушал старуху, не имея воли и сил ее оборвать. А она спокойно продолжала:

— Приди домой и открой псалтирь, от бабки твоей осталась в красном переплете. Та строка, больше всего тебя задевшая и непонятная — она твоя. Повторяй ее пока не усвоишь. А витамины твои мне уже не помогут... Завтра ко мне вечером внук Иван придет. Скажи своим медичкам, чтоб пропустили.

Старуха закашлялась и вышла из кабинета.

В очередной раз ошарашенный врач смотрел ей вслед.

3. Своя музыка

— Ну и как ты живешь, Ванечка! Я тебя полгода не видела...

Старуха вглядывалась во внука подслеповатыми глазами.

— Бабуля, да все хорошо! Лучше всех! Купил хорошую квартиру. Машину, ты знаешь, уже три года, как приобрел. У меня есть девушка... Екатерина... Очень красивая и умная...

Иван начал говорить деланно бодро, таким тоном, когда совсем не хотят лишних расспросов и продолжения разговора, и каждой фразой закрываются от собеседника все плотнее.

— Вот смотри, я тебе принес тут...

И начал выкладывать из пакета дорогие и полезные продукты. Что тебе нужно? Я принесу.

— Как же мало тебе надо, сынок... Ты меня прости, Ванечка, но с девушкой у тебя не ладно...

Иван остановился, запнулся. Посмотрел на бабулю исподлобья и замолчал, сдерживая себя, чтобы не возразить, и в то же время как-то внутренне обмякнув и не имея сил на возражение. И все его достижения показались ему такими ничтожными, мелкими, и только на фоне тех людей, им презираемых, они что-то значили.

А старуха смотрела на внука с бесконечной нежностью и любованием, и с болью тихо произнесла:

— А свою, только не девушку, а жену ты узнаешь по музыке... Только...

Она не стала продолжать. А Иван внезапно заторопился. Что-то в словах бабушки его задело, он не хотел более продолжать с ней разговор, но с неудовольствием понял, что привычный, давно принятый им снисходительный тон к ее странностям и старости, совсем не уместен и не подходит. Он опять почувствовал собственную фальшь и хотел от этого освободиться.

— Ну ладно, я пошел. Давай, выздоравливай. Не залеживайся.

Он отделался дежурными фразами, выслушанными ею равнодушно и отстраненно.

— Постой! Задержись, прошу, минут на десять. Вот, хочу, чтобы ты послушал, — и протянула ему наушники.

— Что еще? — буркнул он недовольно, но остановился.

— Сейчас ты все поймешь. Садись. Надевай наушники.

Иван с брезгливостью взял и стал надевать древние наушники.

— Теперь включай плеер.

Иван услышал первые звуки и скривил физиономию. Но через мгновение все изменилось, его лицо стало каким-то отрешенным. Он закрыл глаза и по лицу, словно волны, сменяя друг друга, прокатились боль, удивление и радость. Песня давно закончилась. Но Иван не снимал наушники.

— Что это было?

— Деточка, это первый шаг. Нужно сделать еще несколько шагов. Что ты понял? Это музыка нашего рода. Ты готов двигаться дальше?

— Не сегодня, ба. Мне надо все переварить.

— У меня мало времени осталось. Надо торопиться...

Иван тихо произнес, как будто прислушиваясь к звуку своего голоса:

— Скажи, я могу завтра еще послушать это?

— Нет! Ты уже все получил, что тебе надо.

— Я приду завтра.

— У каждой души есть своя музыка. Ты должен найти музыку своей души.

— Так мне много, что нравится.

— Нет, ты должен найти свою, только свою. А теперь иди, иди с Богом... Вот, не откажи в просьбе. Я тут написала список того, что мне нужно. Запиши все и принеси.

Ольга Ивановна передала ему блокнот и смотрела на него с такой любовью, что что-то дрогнуло у него в груди. Он вдруг вспомнил, как в раннем детстве у нее в гостях проснулся посреди ночи и увидел, как она стоит перед иконами и не понимал, откуда свет идет, то ли от лампадки, то ли от икон, то ли от самой бабушки. Он лежал замороженный и запомнил только, как бабушка, кланялась и без конца повторяла: «Господи, помилуй». Иван посмотрел на бабушку какими-то новыми глазами и неожиданно спросил:

— Как мне жить?

— Живи, деточка, с Богом. Господь всегда выполняет желания сердца. Ты можешь даже не подозревать о настоящих своих желаниях... Запомни — ты хранитель рода.

Иван не пришел ни на следующий день, ни через три дня. Нет, он помнил, что обещал, но так закрутился с делами, что никак не успевал и откладывал все со дня на день, но услышанные от бабушки слова начали в нем какую-то неведомую ему работу. И он не мог от них освободиться.

4. Любил или убил

На третий день пребывания в больнице Ольга Ивановна, через силу передвигая ноги, шла из процедурного кабинета, зажав в локте руку после укола в вену. По бесконечному больничному коридору навстречу быстро шел статный священник в облачении и с большим портфелем. Медсестрички жались по стенам, провожая взглядом мощного высокого протоиерея. Он был не стар, едва разменял шестой десяток. И пока еще легко нес свой центнер веса на крепких ногах. Шел он в гастроэнтерологическое отделение к своему чаду, умирающему от цирроза печени. Старуха остановилась и гаркнула своим неприятным хриплым голосом:

— Слышь-ка, отец Виктор, не проходи мимо. Благослови. Ты мне нужен будешь скоро. Помирать пора.

— Так это не тобой решается, старая. — Протоиерей немного затормозил. Он первый раз в жизни видел эту старуху. Но не удивился, что она назвала его по имени. Служил он уже четверть века, и знало его полгорода. — Когда твой час придет, одному Богу ведомо. Вон, еще на ногах, да и с головой вроде все в порядке.

— А ты делай свое дело и не спрашивай. 9-го числа, будь добр, приди ко мне. А то получится, как с Татьяной...

Отец Виктор по инерции уже шел дальше, и тут его догнали эти слова. Татьяной звали его жену.

Шел уже шестой год, как все произошло, но он так до конца и не понял, есть ли в случившемся его вина. А совесть не просто говорила, а периодически кричала ему: «Есть! Есть! Это ты именно и виноват!»

В тот роковой день домой он вернулся поздно. С утра был на службе, потом одолевали прихожанки своими вопросами да просьбами. Одна особенно была, как всегда, настойчива и докучлива. Давно заметил, что эта Вероника не ровно дышит. На каждой службе стоит в третьем ряду у столба с левой стороны и глаз с него не сводит. Вот и сейчас — за руки хватает, целует и долго так не выпускает, да и впилась глазами, что и не отвернуться. А он ее не отбрасывает, и как всегда, внимателен и даже ласков с ней. Да вот и как ее отвадить, когда она каждый раз ему сует то по пять, а то и по десять косарей. И сколько раз к себе зазывала под разными предлогами. Стол у нее всегда зашибись. Таковую так просто не отвадишь. Да и, грешным делом, мелькала мысль: «А че ты дергаешься? Не убудет от тебя. Пусть липнет. А тут какая-никакая лишняя копеечка в твой тощий кошелек». Вот и в этот раз пригласила уже в который раз соборовать и причастить свою полоумную мать, и все опять по полной программе. Стол ломился. Вино, водка, коньяк на выбор. Вероника сидела напротив, не сводя с него глаз, и предупреждала каждое его движение. После второй рюмки он уже особо себя контролировал. А она все подливала. И впаривала ему что-то про свою несчастную любовь, но он не слушал. В ито-

ге он очень устал. И устал, главным образом, еще и от ее навязчивого, настырного ухаживания.

Домой приехал на такси, после таких обильных возлияний от ужина отказался и едва добрался до кровати. Лицо жены ему не понравилось.

— Танюха, ты чего какая? На тебе лица нет. — Подумал, что может прознала про эту Веронику и поэтому такая серая, не хочет выяснять отношения. Но ему было все равно. Главное, поскорее уснуть.

— Да все нормально, дорогой. Немного живот прихватило. Пройдет. Сейчас приму что-нибудь.

Отец семейства уже был в кровати и засыпал. Проснулся он посреди ночи, надо было отлить. Татьяна сидела, скрючившись, на кухне. Зашел на кухню, с жадностью выпил два стакана воды и спросил:

— Ну как ты? Не проходит? Может «скорую» вызовем? — Предложил, перебарывая себя. Ему больше всего на свете хотелось сейчас вновь рухнуть в постель и выключиться до утра. Но он все же спросил в надежде, что «скорая» не нужна.

Татьяна, прожив в браке четверть века, родив ему четверых детей, знала каждую интонацию мужа, все, что он хотел показать и что скрыть. Она ответила слабым голосом, но с бодрящей интонацией:

— Ну что-ты? Какая «скорая»? Все пройдет. Съела что-то не то.

В семь утра она едва смогла поднять горячую руку, тронула его за плечо, чтобы разбудить.

— Батюшка, вставай. Что-то мне нехорошо. Звони в «скорую». Температура почему-то подскочила.

Скорая приехала через 20 минут. Татьяна лежала с незнакомым отцу Виктору страдальческим выражением бледного лица. Он смотрел на жену и почему-то вспомнил яркое красивое лицо Вероники с чуть раскосыми кошачьими зелеными глазами. Дух его возмущился, и он мысленно возопил: «Господи, сколько раз ловился на это ласковое зло!» И с ненавистью и решимостью отверг навязчивый образ.

Бригада работала четко. Врач помял напряженный живот, увидел в реакции Татьяны что-то удостоверяющее его диагноз:

— Аппендицит с подозрением на перитонит. Срочная госпитализация.

Худенькая Татьяна с желтушным оттенком заострившегося лица утонула на носилках и, покрытая одеялом, казалась почти уже бестелесной. И неотрывно смотрела на мужа воспаленными глазами. Говорить она уже не могла.

Отец Виктор почему-то заметался по комнате. Схватил свой портфель и поехал вместе с женой и старшей дочкой в больницу.

Умерла Татьяна прямо на операционном столе. Вышедший к священнику врач честно признал:

— Не успели. Хотя бы на пару часов пораньше. Все было

бы нормально... Держитесь, отче. Большое горе. Зачем же она терпела?

Отец Виктор стоял оглушенный. Сотни раз свидетельствовал смерть, теперь он был растерян и, казалось, не знал, что делать. Приехавшая вместе с ним в больницу старшая дочь Александра, заливаясь слезами, сунула в руку отца требник:

— Отец, надо читать канон об исходе души от тела...

Отец Виктор начал молиться и пришел в себя.

Неутихающей болью ныло сердце отца Виктора о младшем сыне Арсении. Тот после похорон матери подошёл и сказал твёрдо и ясно:

— Я тебя ненавижу!

Сначала отец Виктор не понял, в чём дело. Ему стало невыносимо тяжело.

— Сынок, что случилось? Что с тобой?

Оказалось, что он шёл встретить отца после службы и увидел, как он садился в машину к ярко накрашенной улыбающейся женщине. Это было как раз в тот вечер, когда отец Виктор поехал к Виктории. Сыну едва исполнилось шестнадцать. Он был небольшого роста, очень худой, с мелкими, как у матери, чертами лица, его не красившими. Рос он замкнутым, закрытым ребёнком. У него подозревали аутизм, но диагноз был сомнительный и не признавался родителями. Сын часто бывал на службах. Татьяна и батюшка радовались, глядя на сына, на то, что Господь дал ему веру, а мальчик

был очень привязан к матери и уважал отца как высший авторитет в своей жизни. После смерти матери Арсений перестал общаться с отцом. Какой-то минимальный контакт сохранялся у него только со старшей сестрой Александрой.

Девятого апреля в десять утра отец Виктор вошел в палату. Старуха встретила его радостно, она лежала на своей кровати в белом платочке и умными глазами смотрела на него. В палате никого больше не было. Двоих женщин увели на лечебную гимнастику, а третья сама вышла, оставив их наедине. Священник сел на соседнюю койку и спросил:

— Откуда ты узнала про жену?.. Скажи, что думаешь! Почему так со мной произошло? И с Татьяной?

По его нетерпению и небольшой, но заметной нервозности было ясно, что эти вопросы не дают ему покоя.

— Да на тебе, браток, все написано. Вся маета твоя... Ты же хороший поп. Ты всегда так о себе думал. От служб не отлынивал. На все требы ехал по первому зову. Прихожан не отшивал, исповедающихся не подгонял, чтобы побыстрее от тебя отскакивали. Терпел и выслушивал всякую хрень. Что еще нужно? Так ведь ты о себе думал? Не отвечай. И так все ясно.

Священник сидел, опустив голову.

— Ну так знай. Ты хороший поп, но слишком уверился в своей хорошесть. А под ней выросла и гордынька, и тщеславие, и самоуспокоенность. Да и прихожанкам своим с немалым удовольствием давал себя облизывать, как боль-

шой сладкий леденец. Разнежили они тебя. Вот Господь и попустил. Привел в чувства. За Таню свою не переживай и не ропщи на Бога. Она у Пресвятой Девы в садочке с младенчиками и с птичками играет. А тебе еще жить да служить. Вот еще послушай меня, старую. Тебе надо свою Александру отпустить от себя. Скоро уже шесть лет она тебя да братьев обслуживает. Сыновья подросли. А девке замуж давно пора. Уж тридцать лет на носу. А ты и здесь о своем удобстве заботишься.

— Да как же я без нее? Да и у нее никого нет. Целый день на работе да по хозяйству... Да и кому она нужна? Уж отцвела, кажется...

— А ты чего это, папаша, на ней крест-то поставил? Да она у тебя красавица. Еще внуков тебе нарожает. И тебя Господь не оставит. Старший, говоришь, у тебя женился. Ну вот и сдай все хозяйство снохе. Она у вас разворотливая, хоть и молодая, справится. — Ольга Ивановна в своей резкой манере бросила отцу Виктору: — А сына благослови!

Он не понял.

— И откуда ты только все знаешь?! — красный от смущения протоиерей стал вынимать из портфеля все необходимое для соборования и раскладывать на столе. — Исповедоваться-то будешь, раба Божья Ольга?

5. За гранью слов

— Надо мне тебе кое-что поведать перед смертью, — старуха внимательно и даже тепло, с какой-то надеждой смотрела на священника.

Отцу Виктору стало немного не по себе под взглядом этих умных пронизательных глаз. Он попрочнее уселся на соседней койке и приготовился слушать.

— Родилась я в селе на берегу Волги. Еще до войны... Вышла замуж поздно — в двадцать пять. Вася трактористом был, а я работала на ферме. Девка я видная была, и хоть парней после войны не хватало, на меня многие заглядывались. Мне никто не нравился, вот и прособиралась, что один Вася и остался неженатым. Парень он был добрый, только сызмальства уже закладывал за воротник. Подумала — баловать не дам, отучу, да не тут-то было... Сначала детей не было, а потом родились у нас с Васей две девочки-близняшки. Больше детей не могла выносить. Вася пил по-черному. И как напьется, так совсем дурной делался, на меня бросался и все старался по животу ударить. А когда дочкам исполнилось по семь годков, они померли одна за другой за неделю от крупозного воспаления легких. Я тогда столько ревела, что чуть не ослепла, у меня начался менингит, в больнице в жару да бреду между жизнью и смертью месяц проболталась. Когда была в беспамятстве, какой-то твердый и в тоже время лас-

ковый голос сказал во мне: «Надо согласиться на смерть. Без условий. Прими эту потерю. Тебе будет легче». И так были сказаны эти слова, с такой силой и властью, что я что-то поняла очень важное, но не на уровне слов, а всей душой. И я смирилась. Бог дал — Бог взял. И стала понемногу приходить в себя.

Вот с тех пор все и началось.

Первый раз я заметила, когда лечащий врач ко мне подошел. Он меня осматривал и подумал: «Неужели выкарабкалась?» А я тогда не поняла, решила, что он вслух сказал, и говорю:

— Да... кажется выкарабкалась.

А он вздрогнул.

Потом, когда уже в общей палате лежала, услышала песню. Одна приемник притащила в палату. А я услышала эту музыку, и вдруг такая во мне сила проснулась, что я всю палату перемыла, а до этого едва до горшка могла дойти. Во мне как будто что-то открылось. Ко мне подходит человек, а у меня перед глазами картинка — я все про него знаю, чем дышит, что у него болит. Бабенки в деревне заметили, что после больницы я какая-то не такая стала. Вопросы начали задавать. А я отвечала. В основном все про мужиков. Одной сказала, что муж ее жив и скоро вернется. А он год, как пропал. И тот действительно вернулся, оказывается, в город его одна шалава с собой увезла...

Вот, батюшка, есть у меня такая закавыка. Понятное дело,

музыке я не ученая... Какая музыка в деревне? И играть ни на чем не умею. Но когда ко мне приближается человек, я слышу музыку, иногда песню, его песню... Вот сейчас твою музыку слышу. Слышу, но передать не могу.

Она взяла свой клубок из путаных ниток, вытянула длинную нитку и протянула священнику:

— У меня вот такой бзик есть. — Старуха виновато улыбалась. — Я вытягиваю нитку, как будто всю судьбу человека... Вот это твоя распутанная судьба.

Старуха уж не смотрела на священника, а смотрела в окно. И ей как будто было уже не важно, как отнесутся к ее словам. Она не следила за логикой, а просто говорила, как Бог на душу положит.

— Я стала слышать музыку каждой вещи, каждого дерева. У всего есть своя музыка. Усваивать ее, понимать, что она мне говорит. Я всегда вижу, если человек врет. Слова и музыка не совпадают, друг другу мешают. Когда человек врет, у него какая-то муть внутри поднимается, столько пыли и грязи, картина тоже становится нечеткая, смазанная, долго потом ждать, пока все осядет. А слова такие бывают с виду красивые, но меня не обманешь. — Старуха засмеялась своим резким трескучим смехом. — Музыка или, не знаю, как это назвать, мне еще говорит о том, что будет. Каждое предстоящее событие начинается неясным гулом под ногами. Он все нарастает, потом в нем становятся слышны более четкие звуки, и наконец открывается вся картина того, что должно

случиться. Я так за три недели услышала идущую смерть, к Васе своему. Какой-то ветер начал гулять в доме, что-то вибрировать и дрожать.

Тут отец Виктор сам почувствовал, как почему-то немного колыхается бумажная салфетка на тумбочке, хотя окна и двери в палате плотно закрыты.

— А уже за три дня до кончины раздались во мне три удара колокола. Я ему говорю: «Сходи в церковь, покайся». А он: «Зачем я какому-то мужику с бородой что-то рассказывать буду?» А через день его так скрутило, что зубами скрежетал от боли, но продолжал богохульничать. Так и помер в муках без покаяния. Но это позже случилось. Я тебе вот еще что должна сказать... Как-то в храме ко мне подошла высокая худая немолодая женщина. Судя по длинному черному облачению и платку на голове, она была монахиня. Я до этого встречала монахинь в монастыре, куда мы из села приезжали на престольный праздник на Успенье раз в году на службу, да еще прикупить монастырского масла и дюже вкусного хлеба.

Она, поглядев на меня внимательно так и тихо, как бы вскользь, сказала:

— Тебе надо поехать на источник в Дивеево.

Я услышала все, но как будто не поняла и переспросила:

— Что?

Монахиня молча еще раз посмотрела на меня и отошла.

А слова впечатались в голову, я начала думать о них, да-

же спросила про Дивеево у нашего старого священника отца Павла, служившего на приходе сорок лет. Тот рассказал и, когда рассказывал, глаза засияли, и весь он как-то оживился.

— Ты, Олюшка, съезди, съезди туда, поклонись батюшке Серафиму. Мне уж не под силу.

Тогда, в начале 90-х, были в моде всякие паломничества, народ полюбил ездить по монастырям да святым местам. Все было в новинку, все передавали друг другу всякие рассказы про чудеса и святых старцев. Как я сейчас понимаю, много было тогда всяких выдумок и басен.

А после больницы меня все жалели и считали малохоленной и как будто бы не в себе. Даже Василий, Царство ему Небесное, готов был меня отпустить в это самое Дивеево, лишь бы я вернулась такой, какой была раньше.

Полгода у меня ничего не получалось. Не знала, с кем и как туда добраться. Но вот летом поселились у нас напротив дачники — москвичи. Познакомились, разговорились, а люди оказались верующими, сами хотели посетить Дивеево. Так вот в июле и собрались. Машина у них хорошая, ехать километров триста. Выехали с утра и приехали в четыре часа дня на источник. Вижу, течет небольшая река, а от нее отведен как бы рукав, и там прямо из горы бьет струя воды. Народ, в основном женщины в белых рубашках, встают в воду по грудь. Там же стоят в воде двое мужчин, с двух сторон держат каждую под руки и помогают три раза окунуться с головой. А из воды прямо-таки выхватывают. Посмотрела я

на все это, подумала: «А зачем это они их вытаскивают? Я и сама способна из воды вынырнуть». А когда настала моя очередь, испугалась. Вода ледяная, я не знаю, что делать. Тут мужички меня под руки да в воду и окунули. Мне кажется, я на миг сознание потеряла. Отключилась голова. Только и успела сказать: «Господи, помилуй!», — как они снова меня в воду погрузили. И чувствую, что как будто все во мне смыли — и память, и все грехи перестали существовать, и я сама куда-то исчезла. И такой миг чистоты и ясности наступил, что никогда ранее не было. Время как будто остановилось. А как третий раз опускали в воду и поднимали, я уже не помнила. Я тогда хотела только одного, чтобы этот мир и покой, чистота на сердце, длились всегда, чтобы никакие тревожные суетные мысли, тяжелые чувства и переживания никогда меня не касались.

С тех пор я перестала реветь о своих дочках. И стала такой спокойной, какой никогда раньше не была, и стала видеть то, что раньше видеть не могла. Жизнь и люди мне открылись. Ну, да я тебе уже говорила...

Вера... Какая-то вера у меня была с детства, бабка моя все страдала, как набедокурю: «Бог тебя накажет!» Какой-то страх был... Но только потом, уже после сорока, кажись, начала что-то понимать.

Батюшка, вот послушай еще... Ту музыку, какую слышу, я не знаю, есть ли такая музыка на земле. Или она только во мне звучит. Вот твоя музыка мне нравится. Хорошая...

А бывает, что хочется уши заткнуть, да не помогает, такая резкая, неприятная... У детей музыка особая — простая, как будто ручеек журчит... И что с этим делать — ума не приложу... Люди не понимают силу музыки. А она может изменять жизнь и все вокруг... У меня есть песни и музыка разная... Я знаю, когда какую песню включать, и кому можно ее слушать, а кому нельзя.

— А что за песни? — отец Виктор с опаской стал смотреть на старуху как на умалишенную.

— Да не бойсь. Я в своем уме. Ты лучше слушай повнимательней. У каждого своя песня. Надо ее только найти.

Отец Виктор решил более не включать свое радио и скепсис. Старуха тотчас реагировала на все его внутренние сомнения. И решил все выслушать до конца.

— Ты не думай, я и к попу нашему деревенскому ходила, думала, может, нечистый блазнит меня. Тот старый отец Павел, крестивший меня, мне так сказал:

— Ты, Олюшка, мне как родная. Не вижу я на тебе никакой порчи и прелести. А то, что слышишь и видишь, не используй во вред людям, а им помогай. И денег не бери. А со временем и поймешь, зачем тебе все это. А песни... Песни — дело Божье. Добрые песни — добрые нравы.

Мне тогда сорок стукнуло. Вся жизнь моя перевернулась. Мой Вася за ум взялся. Больше руку на меня не поднимал, да и я уже не позволила бы. Сила во мне какая-то появилась. Так, уж после сорока, я еще троих родила — двух дочерей и

сына последыша. Года три всё было хорошо. А когда родился сын Коленька, Вася на радостях выпил. И началось... Не может остановиться. Я тогда посадила его перед собой и поставила условие: или-или. Или ты завязываешь с выпивкой, или — скатертью дорога. Он тогда трезвый был, взял Коленьку на руки и сказал: «Сыном клянусь, пить не буду». И на следующий же день был пьян. И пил люто, а как напьется, хватал топор, матюгался и бегал за нами, все грозился убить. Я детей в охапку и бежала к соседке, хоронились мы в её старой бане. Дети дрожат, плакать боялись, вдруг он услышит и их найдет. Каюсь, я тогда ему смерти желала, сил уж не было терпеть.

Вася-то одногодка мой, до пятидесяти не дотянул — скончался на Троицу. Видно, совсем подорвал здоровье водкой. Дочери у меня хорошие, работающие, а вот сын — весь в отца, пьет горькую, семью потерял. Придет он к тебе, знаю, ты уж его не гони, Колю моего. Виновата я перед ним. Попал он в тюрьму за драку, а мы собрались тогда в город перебираться. И решили дом продать. Надо было внука учить. Ванька у старшей дочки Галины уж очень башковитый уродился. И в городе обустраиваться. А сын из тюрьги вернулся, а деваться ему некуда. Но Господь милостив — встретил женщину с квартирой, все по началу у них было хорошо. Сначала терпела его запои, а потом не выдержала и выгнала. Так вот с тех пор и живем вместе в старой хрущевке.

Мне внук всякой музыки в эту штуковину накачал, —

Ольга Ивановна показала отцу Виктору черную флешку. — Он думает, что я с приветом. А я слушаю, чтобы не слушать звуки этого мира. Помогает. Особенно Моцарт, Чайковский, Шостакович. Еще Бах, конечно, очищает все вокруг, да много кого могу назвать...

У тебя дочка на регента выучилась. Она точно в музыке разбирается. Хочу ей передать эту штуковину. Может, она разберется.

Старуха продолжала свой рассказ. Напряжение, с которым сначала слушал Ольгу Ивановну отец Виктор, полностью спало, ее речь лилась свободно, как поток чистой воды, в каждой фразе были видны ясный ум и трезвомыслие. Ничего в ее жизни не было для себя, а только для детей, для мужа и близких. Родителей своих досмотрела, потом свекровь двенадцать лет лежала парализованная. В храме помогала, пока молодой священник ее не выгнал за ненужные советы. Раба Божья Ольга исповедала свои грехи, выслушивать их было легко: «Виновата я перед Богом и людьми. Мало успела сделать добра. Могла больше. Бывало, резала правду-матку в лицо, что открывалось далеко не радостное, а то и постыдное, а человеку... Может, ему и не под силу эта самая правда...» И еще что-то, что никак не умаляло подвига этой женщины в ее самоотречении и смирении, служении Богу и людям. И не держала она ни на кого ни зла, ни обид.

Отец Виктор слушал ее и думал, что хоть перед ним простая старуха, но и через нее, как через валаамскую ослицу,

Господь может явить Свою волю и милость.

Раба Божья Ольга продолжала:

— Недавно приснилась мне та монахиня, что встретила в храме, а больше никогда и нигде ее не видела. Пришла все в том же черном облачении, в руках цветы какие-то необыкновенные и мною никогда невиданные, и сказала: «Жди девятое число. Готовься. Для тебя все уже готово».

Ольга замолчала и больше ничего ему не сказала.

Священник тоже ничего более не говорил и не спрашивал. С радостным и тихим сердцем накинул епитрахиль на голову рабы Божьей Ольги, прочитал разрешительную молитву и благословил. Потом ее пособоровал и причастил.

Священник вышел из палаты в особом мирном, умиленном состоянии души и решил навестить причастницу завтра. Тем более, что попросили его прийти больные из соседних палат.

На следующее утро отец Виктор вместе с дочерью Александрой вошли в палату и увидели на койке Ольги Ивановны свернутый матрас. У отца Виктора торкнуло сердце: «Она же говорила про девятое число...»

Нашел заведующего отделением Дим Димыча и попросил его пустить его в больничный морг.

Тут ворвался в палату какой-то мужчина, пахнувший дорогим парфюмом, со стильной короткой стрижкой и в дорогом костюме.

— Где Ольга Ивановна Красноцветова? — громко спро-

сил он, немного задыхаясь от быстрой ходьбы.

Дим Димыч спокойно ответил:

— Вы, наверное, внук? Вам должны были позвонить...

— А что с ней случилось? — пытался тот нагнать волну возмущения.

Его возмущение главным образом базировалось на остром недовольстве собой. В голове вихрем проносились мысли и запоздалые сокрушения. Он не выполнил просьбу бабушки и не принес вовремя то, что она попросила. Не попрощался... Ничего не понял, а что понял, меняло все во круг...

Лечащий врач опять усмирил визитера:

— Она умерла. Сейчас находится в больничном морге.

Тут только Иван увидел, что стоит священник с какой-то молодой женщиной. И наконец-то все осознал. Внутри что-то оборвалось.

Они спустились в морг.

Батюшка смотрел на лицо покойницы с привязанным бинтом подбородком, неожиданно помолодевшее и удивленное, как будто она увидела что-то прекрасное.

— Дмитрий, скажите, как она умерла?

— Да никто и не понял. Когда вы ушли, она легла и уснула. Видимо, умерла во сне. Вечером сестра пришла в палату с градусниками и таблетками, а она уже никак не реагировала на слова. Позвали меня. Ну тут все уже стало понятно. Пульс не прослушивался. Челюсть отвисла.

Отец Виктор поймал себя на мысли, что хотел бы побеседовать с Ольгой, вопросы ей позадавать, но глядя на ее восковое лицо, понимал, что будет не раз возвращаться к ее исповеди и искать ответы. Он снял с подбородка повязку, поправил голубую простынь и начал молиться. Дмитрий, Иван, Александра стояли, и каждый слышал что-то свое в словах канона.

Когда все было прочитано, на лице покойницы ясно запечатлелась светлая улыбка.

Дмитрий только сейчас вспомнил, что ему наказала Ольга Ивановна.

После работы Дмитрий, вернувшись домой, перерыл в шкафу старые книги и, действительно, нашел старинную Псалтирь в красном сафьяновом переплете. Книга источала какой-то тонкий незнакомый аромат. Он вспомнил бабушку Галю, ее узловатые руки с кривоватыми артрозными пальцами, ушедшую в мир иной более десяти лет назад. У него защемило сердце. Немного помедлил и затем решительно открыл книгу. И сразу уперся взглядом в строку: «Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить в истине Твоей». Прочитал еще раз. Повторил. И слова зажили в нем своей жизнью. У Дмитрия была железная установка, чтобы всё было правильно. Он не сформулировал, что же есть правильно, он скорее не умом, а чувством совести определял степень правильности. Но сейчас он стал думать о том, так ли правильно то, что правильно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.